

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

ЭЛЕКТИВНЫЕ КУРСЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ В СТАРШИХ КЛАССАХ

М.Н. Овчинникова

УРОК – УСТНЫЙ ЖУРНАЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ МАТЕРИ МАРИИ (Е.Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ)

В канун празднования 65-летия со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне хочется так сказать об этом святом дне для каждого русского человека, чтобы старшеклассники не почувствовали фальши, формализма в разговоре о тех, кто отдал жизнь за мир на земле. Хочется, чтобы ушли они с занятия, полные гордости за тех русских за рубежом, которые жизнью своей доказали, что и вдали от Родины можно быть вместе с ней: жить ее болями и печалью, гордиться ее победами и, если надо, умереть за нее.

Занятие входит в программу элективного курса для 11-го класса «Литература эмиграции. Литературный портрет Е.Ю. Кузьминой-Караваевой». Дидактическая задача курса состоит в том, чтобы приобщить учащихся к «утраченным» именам, оставившим яркий след в духовной жизни Европы 1920–40-х годов XX века, расширить культурологическую компетенцию учащихся, способствовать становлению личности, знающей историю своего Отечества и людей, незаслуженно «забытых».

Урок является заключительным в системе занятий по программе элективного курса. Его можно провести в виде устного журнала, а также как урок-презентацию с использованием фотографий, фрагментов фильмов о войне, рисунков самой матери Марии. Предоставляя фактический материал, мы надеемся, что педагоги найдут место разговору о матери Марии на уроках литературы, классных часах, внеклассных мероприятиях, посвященных Великой Отечественной войне.

Цели урока:

- познакомить учащихся с позицией лучших представителей русской эмиграции во время II мировой войны;
- представить имя Е.Ю. Кузьминой-Караваевой в контексте Праведников мира;
- помочь учащимся задуматься над такими нравственными понятиями, как патриотизм, долг, верность нравственным идеалам и любовь к Родине.

Ход урока.

Урок начинается с просмотра видеоролика из программы «Вести» телеканала «Россия» от 04.08.2009. (Если школа не располагает техническими средствами для просмотра записи, можно пересказать данный сюжет).

Марина Николаевна Овчинникова – учитель средней общеобразовательной школы № 22 (г. Верхняя Пышма Свердловской обл.).

Учитель:

4 августа 2009 года русскому солдату было присвоено звание «Праведник мира». На этот раз им стал красноармеец Федор Михайличенко, спасший во время войны еврейского мальчика, который стал впоследствии главным раввином Израиля. Меир Лау долго искал и наконец нашел своего спасителя, но сказать «спасибо» не успел – Федор Михайличенко умер в 2006 году. 18-летний красноармеец из Ростова, схваченный гестапо в 1943 году, в концлагере подкармливал мальчика, отдавая ему свою еду, прятал его от эсесовцев во время проверок, закрывал своим телом во время бомбежек американцев, освобождающих Бухенвальд. Имя Федора Михайличенко навсегда останется записанным на стене Аллеи Памяти в Израиле, в честь него будет посажено еще одно Дерево славы.

Пятью именами выше можно увидеть имя еще одной нашей соотечественницы матери Марии (Е.Ю. Кузьминой-Караваевой), участницы французского Сопротивления, поэта, философа, монахини. О ней сегодня наш устный журнал.

1-ая страница устного журнала «Ночь еще, но утро будет»

Чтец:

Ночь. И звезд на небе нет.
Лает вдалеке собака.
Час грабителя и вора.
Сторож колотушкой будит.
– Сторож, скоро ли рассвет?
Отвечает он из мрака:
– Ночь ещё, но утро скоро,
Ночь ещё, но утро будет.

1-й ведущий:

Это стихотворение написано в оккупированном Париже Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, принявшей в эмиграции постриг под именем матери Марии. Дата – декабрь 1941 года. Пафос стихотворения не оставляет сомнений в победе над фашизмом. Дважды повторяется ключевое слово «сторож», т.е. «страж», тот, кто охраняет людей в темный ночной час; твердой уверенностью исполнены две финальные строки – вроде бы, одинаковые, только слово «скоро», указывающее на время, заменено на слово «будет», с его семантикой «бытия». Восемь строк пятистопного хорея «плотно» объединены своеобразной рифмовкой: рифмуются первая строка и пятая, вторая и шестая, третья и седьмая, четвертая и восьмая. Итак, абсолютная уверенность в победе света, хотя война

для русского народа только началась. Когда немецкие войска вторглись в СССР, мать Мария сказала: «Я не боюсь за Россию. Я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы узнаем по радио, что советская авиация уничтожила Берлин, потом будет “русский период” истории (...). Все возможности открыты. России предстоит великое будущее. Но какой океан крови!»

2-й ведущий:

22 июня 1941 года в Париже было арестовано около тысячи эмигрантов. Среди арестованных были и друзья матери Марии, которые вместе с ней создавали и обустроивали приют на улице Лурмель для больных и обездоленных русских. Все были отправлены в Компьенский лагерь, находившийся в ста километрах на северо-восток от Парижа. Мать Мария сразу организовала сбор посылок для заключенных и их семей.

1-й ведущий:

В статье «Размышления о судьбах Европы и Азии» мать Мария назвала гитлеровскую Германию великой отравительницей «всех европейских источников и колодезей». Во главе ее “расы господ, - писала она в 1941 году, - стоит безумец, параноик, место которому в палате сумасшедшего дома, который нуждается в смиренной рубашке, в пробковой комнате, чтобы его звериный вой не потрясал вселенной».

2-й ведущий:

Одно русское сказание особенно нравилось матери Марии. Оно касается хождения двух святых, Николая угодника и Кассиана римлянина, которые однажды вернулись на землю, чтобы посмотреть, как обстоят дела человеческие. Набредли они на мужика, телега которого глубоко увязла в грязи. Он попросил помочь ему. Касьян с сожалением отказался. Ведь ему скоро надо будет вернуться на небеса, и его одеяния должны сиять там незапятнанной белизной. В это время Никола молчал: он уже погрузился по колени в грязь и напрягал все силы, чтобы помочь мужику. Когда Бог узнал, почему у Касьяна одежда безусловно бела, а у Николы запачкана, он сказал: «Тебя, Николае, народ дважды в год поминает будет, — а тебя, Кассиане, лишь раз в четыре года». Так, говорят, и получилось, что Кассиан день падает на 29 февраля.

1-й ведущий:

Это сказание вполне в духе матери Марии. Она не обращала внимания на свой внешний вид; ее подрясник часто носил следы той работы, которой она недавно занималась: плотничала, готовила, мыла, убирала, ходила на базар за продуктами.

«Путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет, — говорила она (...). — На Страшном суде меня не спросят, успешно ли я занималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов, а спросят: накормила ли я голодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключенного в тюрьме. И только это спросят», — так по-своему понимала монашество мать Мария.

Готовность полной самоотдачи нуждающимся людям, вера в способность свершения чуда выражены в стихотворении, взволнованный лиризм которого

передан трехстопным распевным анапестом, с протяжными дактилическими окончаниями нечетных строк и энергичными окончаниями строк четных.

Чтец:

Пусть отдам мою душу я каждому,
Тот, кто голоден, пусть будет есть,
Наг — одет, и напьется пусть жаждущий,
Пусть услышит неслышавший весть.
От небесного грома до шепота,
Учит все — до копейки отдай.
Грузом тяжким священного опыта
Переполнен мой дух через край.

2-й ведущий:

В эти дни ее вспоминают взволнованной и деятельной: «Было явно, что вся душа ее уже не здесь, а на Родине. Словно опять по-молодому, с буйной силой проснулось годами подавляемое иностранной действительностью пламенное патриотическое чувство. По-видимому, оно жило в ней всегда, только она не давала ему воли... Газеты, радио, карты военных действий, утыканные флажками, то утешительные, то тревожные вести — ко всему мать Мария относилась горячо, страстно. В часы английских радиопередач, пользуясь мощным аппаратом, который ей дали на хранение друзья, покинувшие Париж, она каждый вечер ловила запрещенные вести.

1-й ведущий:

Теперь ее деятельное монашество еще легче находило выход в том, чтобы кормить, спасать, прятать всех, кто был против нацизма. На улице Лурмель скрывались участники французского Сопротивления, бежавшие из концлагерей советские военнопленные, которым она помогала доставать документы. Мать Мария держала в руках нити сложных путей к убежищам в южной, неоккупированной части Франции, а также Швейцарии, Италии, Испании. Лурмель был одним из центров связи с антифашистским движением Resistance.

2-й ведущий:

«Русские победы приводили ее в восхищение, — вспоминает Т.Манухина. — Сияющая, она встретила меня громким, на весь двор ликующим восклицанием: «Наши-то, наши...Уж Днепр перешли! Ну теперь кончено! Мы победили...». Она жила победами и ждала, не могла дожидаться триумфального финала. Вся душа ее была со своим народом.

1-й ведущий:

Можно было, наверное, в это время отсидеться в лурмельском доме, не навлекать на себя гнев властей, в молитвах проводить день, но мать Мария избрала для себя другое монашество, деятельное. «Если немцы возьмут Париж, я останусь со своими старухами, — говорила она. — Куда мне их девать?» Некоторые друзья уговаривали ее покинуть Париж. — «А зачем я уеду? Что мне здесь угрожает? Ну, в крайнем случае, немцы посадят меня в концентрационный лагерь. Так ведь и в лагере люди живут».

Учитель:

В годину бед на другом конце Европы мать Мария оказалась рядом с русским народом, приняла

героическое участие в войне своих соотечественников за свободу и независимость. В 1985 году, накануне 40-летия Победы в Великой Отечественной войне, указом Президиума Верховного Совета СССР вместе с другими героями французского Сопротивления Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева была награждена орденом Отечественной войны II степени.

2-ая страница устного журнала

«Кто спас от смерти одного человека, спасал весь мир от уничтожения»

3-й ведущий:

Вскоре в Париже начались гонения на евреев. 4 марта 1942 года в берлинской канцелярии Эйхмана было принято решение: желтую звезду Давида, которую немецкие и польские евреи уже были обязаны носить, впредь должны будут носить также и евреи в других оккупированных странах, включая и Францию. После нескольких месяцев обсуждения и промедления декрет об этом был обнародован в оккупированной Франции, а с 7 июня началось его применение. Ношение звезды требовалось от каждого еврея старше шести лет. Каждому должны были выдаваться три звезды. При этом для завершения издевательства каждому еврею надо было отдавать купон промтоварной карточки на материю.

Мать Мария в тот же день написала стихотворение, которое сразу же распространилось по Парижу в устном и рукописном виде:

Чтец:

Два треугольника, звезда,
Щит праотца, царя Давида, –
Избрание, а не обида,
Великий путь, а не беда.
Знак Сущего, знак Егovy,
Слиянность Бога и творенья,
Таинственное откровенье,
Которое узрели вы.
Еще один исполнен срок.
Опять гремит труба Исхода.
Судьбу избранного народа
Вещает снова нам пророк.
Израиль, ты опять гоним.
Но что людская воля злая,
Когда тебя в грозе Синая
Вновь вопрошает Элогим?
И пусть же ты, на ком печать,
Печать звезды шестиугольной,
Научишься душою вольной
На знак неволи отвечать.

4-й ведущий:

Своему другу К.В. Мочульскому она сказала: «Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звезды».

В ночь с 15 на 16 июля 1942 года в Париже были произведены массовые аресты. Было захвачено 13000 евреев. Из них 6900 (в том числе около 4000 детей) были загнаны на зимний велодром на бульваре де Гренель, который находился в километре от

лурмельского дома. В продолжение пяти кошмарных дней заключенные могли доставать воду лишь из одного-единственного крана; на 7000 человек не имелось даже десяти уборных. Родители часто оказывались не в состоянии заботиться даже о собственных детях. Под конец детей отделили от родителей, и навсегда... в Аушвице.

3-й ведущий:

Благодаря монашескому одеянию, матери Марии удалось проникнуть на велодром. Она провела там три дня. Насколько хватало сил, она утешала детей, поддерживала взрослых, распределяла кое-какую провизию. Говорят, что с помощью мусорщиков ей дважды удалось устроить побег детей: четверо из них было вынесено из велодрома в мусорных ящиках и спасено.

4-й ведущий:

Начиная с 15 июля, для евреев возникла острая потребность в надежных убежищах и в возможностях бегства. Перед Лурмелем встала новая задача. «Здесь вопрос уже шел не только о материальной помощи. Нужно было доставать для евреев [поддельные] документы, помогать им бежать в южную, еще не оккупированную зону, укрываться в глухих районах страны. Наконец, необходимо было устраивать детей, родители которых были схвачены на улицах или во время облав». «На Лурмеле переполнение, – писал К.Мочульский. – Живут люди во флигеле, в сарае, спят в зале на полу. В комнате отца Димитрия ютится целое семейство, в комнате Юры – другое. И евреи, и не евреи. Мать говорит: «У нас острый квартирный кризис. Удивительно, что нас до сих пор не арестовали...».

Учитель:

Благодарный еврейский народ посадил в Саду праведников мира в Иерусалиме два дерева – в память матери Марии и священника Дмитрия Клеппина, помогавших евреям спастись от преследований нацистов. На медали, которая вручается Праведникам мира, написано: «Кто спас одного человека, спасал весь мир от уничтожения». Каждое такое имя – это спасенные старики, женщины и дети. Таких имен много, но бесконечно мало по сравнению с 6 миллионами погибших евреев.

3-я страница устного журнала «Навстречу пламени»

5-й ведущий:

Утром 8 февраля 1943 года в лурмельской столовой был арестован 23-летний сын матери Марии Юрий Скобцов, помогавший матери в антинацистской деятельности. Гестаповец Гофман (по происхождению из Прибалтики и свободно владеющий русским языком) объявил, что они сейчас увезут Юру как заложника: его выпустят, когда явится мать Мария.

6-й ведущий:

Сознавая, что арест Юры не является простым лишением свободы, мать Мария на следующее утро отправилась обратно в Париж (в это время она находилась за городом на маленькой ферме). На вид она была спокойна и уверена. «Если нужно, свали-

вай всю вину на меня, не жалея меня, но выручай Юру, – сказала она бывшему мужу, который сопровождал ее на станцию. – Я крепкая, я вынесу. Да и война скоро кончится».

16 декабря 1943 года Юру перевезли вместе с о. Дмитрием Клепининым в концлагерь Бухенвальд, а оттуда в Дору.

5-й ведущий:

Спустя всего лишь десять дней Юра Скобцов (узник № 38893) заболел общим фурункулезом. Приблизительно 6 февраля, на двадцать четвертом году жизни, Юру отправили (по казенному выражению) в «неизвестном направлении», якобы на лечение. Вот последнее – завещательное – письмо Юры, отправленное еще накануне отбытия в Германию.

6-й ведущий:

«Я абсолютно спокоен, даже немного горд разделить мамину участь. Обещаю Вам с достоинством все перенести. Все равно, рано или поздно, мы все будем вместе. Абсолютно честно говоря, я ничего больше не боюсь: главное мое беспокойство – это Вы, чтобы мне было совсем хорошо, я хочу уехать с сознанием, что Вы спокойны, что на Вас пребывает тот мир, которого никакие силы у нас отнять не смогут. Прошу всех, если кого чем-либо обидел, простить меня. Христос с Вами!»

5-й ведущий:

В день последнего свидания с Юрой мать Мария была доставлена на станцию в Компьене, где ее вместе с толпой товаров транспорта № 19000 (всего 213 человек) посадили в вагоны для перевозки скота. Запломбировали вагоны и – без воды, без уборных – отправили узниц на восток. Три дня длилось кошмарное путешествие – этого первого транспорта по данному маршруту. Проехали через Берлин, пересекли мрачные леса и болота Мекленбурга и, в конце концов, добрались до незначительной станции Фюрстенберг, которая известна лишь тем, что обслуживала женский концлагерь Равенсбрюк.

6-й ведущий:

В этом лагере матери Марии предстояло провести два последних года своей жизни. Ей никогда еще не приходилось иметь дело с такой общей и крайней нуждой. Вопрос был лишь в том, как поддерживать свои силы настолько, чтобы быть другим полезной.

5-й ведущий:

Мать Мария обладала многими качествами, которые могли помочь ей выжить даже в этой обстановке. Так как она знала, за что она арестована, это до некоторой степени примиряло ее с заключением. Свойственное ей чувство юмора могло и в таких условиях иногда облегчать страдания окружающим ее. Она была спокойной и выносливой. А кроме всего прочего, тот образ жизни, который она добровольно избрала за последнее десятилетие, уже давно приучил ее жертвовать своей личной жизнью и личной обеспеченностью – полное отсутствие которых тяжело переносилось большинством заключенных.

6-й ведущий:

«Она никогда не бывала удрученной, никогда, – вспоминала одна из ее товарок. – Она никогда

не жаловалась (...). Она была веселой: действительно веселой. У нас бывали переключки, которые продолжались очень долго: нас будили в три часа ночи, и нам надо было ждать под открытым небом глубокой зимой, пока все бараки не были пересчитаны. Она воспринимала все это спокойно и говорила: «Ну вот, и еще один день проделан. И завтра повторим то же самое. А потом наступит один прекрасный день, когда всему этому будет конец».

5-й ведущий:

Мать Марию обожали все. Молодежь особенно ценила ее заботу: «Она взяла нас под свое крыло. Мы были отторгнуты от наших семейств. Она же в каком-то смысле заменяла нам семью». Лагерная система имела целью доведение до животного состояния узниц перед тем, как предать их преждевременной смерти. Но эта система не покорила мать Марию и не заставила ее забыть о своем человеческом достоинстве. Что это могло означать, показывает один случай, рассказанный матерью Марией Софии Носович:

6-й ведущий:

«Я ходила между рядами до переключки, чтобы согреться немного. Заговорила с одной русской и не заметила эсэсовку, которая на полуслове оборвала меня, больно ударив ремнем по лицу. Я договорила начатую фразу по-русски, не глядя на нее. У меня было такое чувство, будто бы ее и нет передо мной».

5-й ведущий:

Война подходила к концу. Жизнь в лагере становилась все более хаотичной; стража же поэтому все больше свирепствовала. Так или иначе, ускорялась гибель заключенных. По словам Инны Вебстер: «Последние месяцы 1944 года и первые 1945 года для многих оказались [роковыми], в том числе и для матери Марии. Получение писем и посылок прекратилось. Лагерная же пища, которая вообще была ужасной, [еще] ухудшилась, и давать ее стали вдвое меньше, гигиенические и санитарные условия стали отчаянными. [В барак] вместо 800 человек, втиснули 2500, спали по трое на [койке], вши заедали, тиф, дизентерия, превратившиеся в общий бич, косили наши ряды».

6-й ведущий:

Несмотря на эти условия, а может быть, как раз из-за них, мать Мария нашла в себе силы вышивать изображение Божией Матери, держащей Младенца Христа – распятого на кресте. Еще в главном лагере ей удавалось обменивать хлеб на нитки; она и раньше делала вышивки, которые обычно обменивала обратно на хлеб: одна такая вышивка уцелела. Теперь же, как ни просили у матери Марии эту икону, когда она будет закончена, она никому не хотела ее отдать. «Вернемся в Париж, – говорила она, – я ее даром отдам, подарю, но не здесь. Если я ее успею закончить, она мне поможет выйти живой отсюда, а не успею – значит умру». Она не успела ее закончить. 31 марта, в Страстную пятницу 1945 года, мать Мария была отправлена в газовую камеру, а потом сожжена в печах лагеря.

Будто предчувствуя такую смерть, еще в 1938 году она писала:

Чтец:

От хвороста тянет дымок,
 Огонь показался у ног,
 И громче напев погребальный.
 И мгла не мертва, не пуста,
 И в ней начертанье креста –
 Конец мой, конец огнепалый.

5-й ведущий:

О последних минутах жизни матери Марии существует легенда, по которой она добровольно пошла на смерть после «селекции», чтобы спасти жизнь другой узницы. Хотя это и легенда, и мы не знаем в точности обстоятельств гибели матери Марии, но все известные факты говорят о том, что она шагнула в шеренгу отобранных к смерти людей, чтобы ободрить и вселить в них надежду.

Через два дня в главном лагере под эгидой Красного Креста началось освобождение тех заключенных, которые были вывезены из Франции, в том числе – членов транспорта № 19000.

(На этом этапе урока можно показать видеок кадры из фильма «Обыкновенный фашизм» об освобождении узников немецких концлагерей.)

6-й ведущий:

Администрация лагеря, желая удобрить почву склона, спускающегося к ближайшему озеру, рассяяла там пепел сожженных, в том числе и матери Марии. Не понимали нацистские власти того, как в совершенно ином плане такая жизнь, как жизнь матери Марии, облагораживает и обогащает вселенную; не понимали и того, что смерть бессильна отнять таких людей у мира.

Учитель:

Отмечая заслуги Е.Ю. Кузьминой-Караваевой в деле подвижничества, 16 января 2004 года Священный Синод Вселенского Патриархата в Константинополе принял решение о канонизации монахини Марии, впервые причислив к лику святых эмигрантку, «оставившую яркий след в духовной жизни Европы 20 – 40-х гг. XX века» (Независимая газета, 7 апреля 2004 г.)

(Показ заключительного фрагмента из художественного фильма С.Колосова «Мать Мария». Можно остановить фильм на кадре, где мать Мария смотрит из машины, увозящей узниц в газовые камеры, навсегда прощаясь с этой жизнью и уходя в жизнь вечную. Звучит «Аве Мария». Можно также целиком посмотреть фильм).

Литература:

1. *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Жатва духа: Религиозно-философские сочинения. СПб., 2004.
2. *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб., 2001.
3. Мать Мария. «И суд велит гореть в огне...» // Семья. 1989. № 7.
4. *Барковская Н.В.* Литература русского зарубежья (Первая волна): Учеб. пособие. Екатеринбург: АМБ, 2001.
5. Гаккель С., прот. Мать Мария. Париж: YMCA-Press, 1992 (2-е изд. – М.: Крутицкое подворье, 1994).
6. *Кайдаш С.* Подвижницы. Мать Мария // Наука и религия. 1999. № 11.
7. *Троянова Е.* Блаженны мучимые Христовой тайной // Приходская газета храма Космы и Дамиана в Шубине. 2008. март (№ 57).